

ческими (средовые условия проживания их носителей), психологическими (стереотипные формы поведенческой активности) и лингвокоммуникативными (нормы вербального общения) факторами.

Критерием оценки эффективности функционирования дейктических единиц сопоставляемых языков выступает схождение прагматических пресуппозиций коммуникантов, обозначающих их предварительные знания о ролях и социальных статусах объектов указания (*персональные пресуппозиции*), их локализации в пространстве (*пространственные пресуппозиции*) и времени (*темпоральные пресуппозиции*) относительно координат речевой ситуации и обеспечивающих **релевантность** дискурса. Расхождение персональных, пространственных и темпоральных пресуппозиций собеседников, обусловленных неверной идентификацией референтов личных местоимений 3-го лица, указательных местоимений и наречий, приводит к коммуникативным неудачам: «*Адчыніце, яго спаць трэба пакласці!*» – «*Каго яго?*»; «*Didn't you like them?*» – «*Them? Who's them?*» – «Они тебе не понравились? – Они? Кто они?». Установленное количественное преобладание коммуникативных неудач, вызванных расхождением персональных пресуппозиций, реализуемых личными местоимениями (55,1 %), свидетельствует о системообразующем статусе личного дейксиса в коммуникативно-прагматической организации дискурса в двух языках.

Таким образом, дейксис – обязательная категория дискурса, которая связывает воедино языковые единицы с внеязыковой действительностью через указание на структуру его персональной, пространственной и временной организации и обеспечивает структурно-семантическую и лингвопрагматическую целостность.

А. С. Баханович

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИРОНИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ (на материале белорусских и англоязычных произведений)

В силу амбивалентной природы феномен иронии правомерно рассматривать как вид комического и трагического, интеллектуальную эмоцию, мировоззренческую позицию, эстетический способ рефлексии, особую модальность, форму языковой игры, стилистический прием-троп.

Прежде всего необходимо очертить границы понятия иронии. Так, Б. Дземидок термином *ирония* обозначает разнообразные явления, объединенные идеей несовпадения ожидаемого и реального положения вещей. Л. Хатчеон подчеркивает неразрывную связь иронии с контекстом, в котором она реализуется. По мнению этого автора, ирония – дискурсивная стратегия, которую невозможно понять вне ее воплощения в контексте. Авторитетные лингвисты отмечают, что ирония – категория семантическая – манипулирует значениями слов, рождает энантиосемию, иронические виды тропов – ироническую метафору, ироническое сравнение и т.д. Но она также категория

прагматическая: ее структура отражает отношения между участниками речевого акта – продуцентом иронии, объектом и наблюдателем. К. Kerbrat-Orecchioni определяет иронию как троп семантико-прагматичный.

Мы рассматриваем *иронию* как явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, пример не прямой, содержательно осложненной коммуникации, которая требует дополнительных декодирующих усилий со стороны адресата-интерпретатора. В качестве источника иронических контекстов анализируются произведения С. Давидовича, А. Браво, С. Фрая и Х. Филдинг.

Известно, что большинство иронических высказываний опираются на контекст, фоновые знания, ситуацию, вне связи с которыми иронический смысл может быть понят как буквальным. Классический пример – создание иронии за счёт использования лексики признакового характера, в данном случае слова *charming* ‘прелестный’, которое имеет положительное семантическое значение, однако использовано в противоположном смысле, выражает притворную оценку Джейн плачевного состояния ее дяди Теда, что становится очевидным только исходя из контекста: *I don't mind in the least, but I am sorry you have been feeling unhappy and "blue-devilled". What a charming expression* ‘Я ничуть не обижена этим, мне только жаль, что Вы чувствуете себя несчастным и «лезете на стену». Какое прелестное выражение’.

Наблюдения показывают, что ирония не всегда нуждается в контексте, ироническое высказывание может быть самодостаточным: *Ярык мацюкаецца, але да віртуозаў каналізацыі яму далека*. Л. Витгенштейн отмечает, что ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, не любит умеренности. Эта высокая степень может быть в самом обозначении признака (*Геніяльна! Цудоўна! Incredible! Fabulous!* и т.п.), а также в семантических сигналах – употреблении возвышенной лексики, в которой фиксирована функция сигнализации иронии (*зрабіце сабе ласку, pretentious, grandiloquent*).

Иронические высказывания часто сочетаются с *интенсификаторами*. Обратимся к определению К. М. Сувориной: «интенсификаторы – функциональные слова, лишённые конкретного предметно-логического значения, семантика которых носит абстрактный характер и заключается в выражении большей по сравнению с нормой степени признака, обозначенного знаменательным словом, которому интенсификатор подчинен».

В своей работе Н. Д. Арутюнова пишет: «Эмоции побуждают человека постоянно прибегать к преувеличениям и к преуменьшениям. Лексикон количественных значений легко метафоризируется. Человек, очевидно, больше склонен преувеличивать, чем преуменьшать».

Гиперболичность, выражающую ироническое отношение говорящего к объекту высказывания можно обнаружить в описаниях персонажей. Представленное описание-характеристика примечательно наличием гиперболы, реализующей иронию, раздвоенную на гротеск и дифирамб, а также интенсифицированную за счёт наречий: *unsparingly* ‘беспощадно’, *unceasingly* ‘бесперывно’: <...>... *his power within his family and his power over his family*

and the great radio beams of pure sodding charisma that he gives out so unsparingly and so unceasingly much as weightlifters and literary editors give off ВО ‘<...>...власти, которой он обладает в своей семье, власти над семьей и колоссальным радиолучам чистой воды харизматичности, которые Майкл выпускает с такими расточительством и неустанностью, с какими портят воздух штангисты и литературные редактора’.

Интенсификаторы, как правило, усиливают иронический смысл, но на сами интенсификаторы ирония обычно не распространяется. Иронически переосмысливается только интенсифицируемый признак. В следующем примере наречие *смяртэльна* приобретает функцию антифразиса, имплицитный смысл которого контрастирует с изложенным. Наличие интенсификатора *смяртэльна хворы* не влияет на ироничность всей ситуации, его опущение только ослабит иронический пафос. Данная ироническая оценка представляет собой насмешливый упрек в адрес мужа-алкоголика. Восклицательное высказывание: ты ж у мяне смяртэльна хворы – пример гиперболизации целого предложения, с полярно противоположной импликацией, что свидетельствует об иронической двуплановости:

– Ці ж я часцей ці болей п’ю за астатніх? – спрабаваў астудзіць Мацей жонку. – Усяго сем разоў на тыдзень! <...>

– Ты ж у мяне смяртэльна хворы, ляжы роўненька!

В следующем примере именно выразительный генитив *the entire might of the British Passport Office* ‘вся мощь британской паспортной службы’ вербализуется с таким преувеличением, за счет прилагательного *entire* ‘весь, всеобъемлющий’, что усиливает гротескность ситуации и является каузатором порождения иронического смысла с семантикой язвительного упрека в сторону неуместного упрямства инфантильной матери: *It became increasingly clear that the entire might of the British Passport Office was not going to be much of a match for Mum and the old photo* ‘Мне становилось все яснее и яснее, что вся мощь британской паспортной службы – ничто по сравнению с желанием моей мамы сохранить старый паспорт со старой фотографией’.

Среди интенсификаторов нейтральными, заключающими в себе общую оценку, можно считать слова *вельмі, зусім, very, very much, highly*, выражающими исключительно количественное значение, без добавочной семантики. Большая же часть интенсификаторов совмещает идею количества с другими семами (*фантастычна зручных*). Словосочетание *страшэнна інтэлегентных* является оксюмороном, так как состоит из взаимоисключающих, противоположных понятий. Наречие *страшэнна* дает парадоксально усилительный оттенок, который трудно было бы передать такими наречиями, как *вельмі, надзвычайна*: *Абодва віды адказна-безадказных, фантастычна зручных, страшэнна інтэлегентных досыць часта сустракаюцца, у гарадках накітталі нашага – проста масава, бо асаблівага выбару катавальнай камеры тут няма*.

Необходимо отметить, что ирония может выражаться путем отрицания интенсификаторов (употребление с частицей *not*) *two distinctive, but distinctly*

not beautiful ‘две примечательные, но примечательно некрасивые тройни’: *Not content with these twelve strong beautiful brothers and sisters, Ouranos and Gaia gave the world yet more progeny – two distinctive, but distinctly not beautiful, sets of triplets* ‘Не удовлетворившись рождением этих двенадцати сильных красивых братишек и сестренок, Уран с Геей подарили миру еще потомство: две примечательные, но примечательно некрасивые тройни’.

Нередко ирония использует и средства преуменьшения степени, так называемые анти- или деинтенсификаторы: *she had been a little upset* ‘она слегка расстроена’ в ситуации, когда Кронос поглотил всех детей Реи: *It was quite natural that she had been a little upset by his consumption of their six children, but she surely understood that he had had no choice* ‘Вполне естественно, что она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей, но она, разумеется, понимает, что ничего другого ему не оставалось’.

При довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов антиинтенсификаторы в белорусском языке представлены несколькими словами: *трохі, трошкі, ледзь-ледзь, крышачку, кропельку*: *Канспектаваць думкі шэфы крышачку лягчэй, чым лавіць блох на сабаку, які знаходзіцца ў буянай фазе шаленства.*

Деинтенсификаторы часто содержат в себе весь иронический смысл. Наречие *трохі* явно не соотносится с пятидесятым размером, относящимся к разряду плюс сайз, что порождает ироничность следующего высказывания: *Ёй было неабходна трохі схуднець, каб улезці ў сукенку пяцідзiesiąтага памеру.* Если убрать вышеупомянутый деинтенсификатор предложение лишится имплицитности.

В ходе проведенного анализа иронических контекстов мы пришли к выводу, что ироничность высказывания, на страницах белорусской и английской прозы, может выражаться не только преувеличением степени признака, но и явным преуменьшением, при помощи специальных средств – интенсификаторов, которые лишь усиливают ироничность и могут быть опущены, и деинтенсификаторов, заключающих в себе ироническую образность.

А. В. Бенедиктович

ВАРИАТИВНОСТЬ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С АБСТРАКТНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В МЕДИАДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Существительные общесобытийного значения являются подклассом абстрактных существительных. В существующих классификациях абстрактных существительных они выделяются наряду с именами действия, состояния, качества. Исследователи определяют данный разряд существительных как широкозначные существительные, существительные с обобщенным зна-